

Новая Польша 10/2000

0: НЕПРЕКЛОННЫЙ КНЯЗЬ

Напрашиваются самые избитые, высокопарные слова, которые мы произносили множество раз, но именно они обретают теперь для меня свое абсолютное значение. Такие банальные выражения, как «он отдал Польше всю свою жизнь». Известную поговорку: «Незаменимых людей нет», — к нему не применишь. Он — незаменим.

«Культуру» я впервые стал читать, будучи начинающим писателем, в варшавской библиотеке Союза литераторов: это было единственное место, где я мог ее проглатывать, как астматик глотает из баллона кислород. Его я никогда не видел, и только находясь во время военного положения в Вене, звонил в парижскую редакцию, обещая очередную статью. Масштаб воздействия неутомимой деятельности Гедройца еще не осознан: он так многогранен, как еле видимый издали горный массив. «Исторические тетради», все изданные им в эмиграции книги, «Дневник» Гомбровича, который без него не возник бы, бесчисленные сочинения стихами и прозой, недоступные для живших в ПНР и им же спасенные от уничтожения... Его пытались сокрушить огнем и ядом, оговорами, будто его поддерживают ЦРУ и «враждебные Народной Польше центры», ему подсовывали псевдопатриотов, возвращавшихся в страну, чтобы его ошельмовать, — все направленные против него меры он выдерживал с поразительной силой, спокойствием и терпением. Доставалось ему, увы, и в свободной Польше, ибо ничто в нашей стране не обладает столь прочной и убедительной силой, как глупость и ненависть.

Уже с давних пор я опасался вести о его кончине. Однако его кристально чистая духовная сила по-прежнему вселяла в меня надежду, что он еще потрудится, как трудился все былые годы. Хотя я и писатель, т.е. профессионал в области языка, мне не хватает подходящих слов, которые я мог бы произнести над его могилой. Почти никто у нас не хотел или не умел пользоваться той прямоотой, с какой он говорил о польской и мировой действительности: шумом яростных политических склок его успешно старались заглушить. До последнего номера «Культура» была для меня единственным польским изданием, абсолютно свободным от предвзятости, остающимся осью координат нашей судьбы среди превосходящих нас размерами соседей, силу и слабость которых — и одновременно потребность отважного примирения с ними — Гедройц видел всегда. Я не знаю, что теперь будет: ведь он уверял, что «Культуру», дело своей жизни, унесет в могилу. Я просто знаю, что его смерть — невосполнимая потеря и что нет другого человека, который бы так, как он, все отдал Польше и такую ничтожную взял за это плату.

Теперь все подряд будут воздавать ему посмертные хвалы. Для меня бесспорно, что весь груз отечественных проблем он нес, в сущности, в одиночку и что благодаря этому его можно, отбрасывая всевозможные метафоры, назвать Непреклонным Князем.

1: С РОССИЕЙ ЗА ОДНИМ СТОЛОМ

«Я крайне далек от какой бы то ни было национальной мании величия, которая, на мой взгляд, в истории Польши принесла много вреда, но одновременно считаю, что каждая нация, каждое государство обладает своеобразным правом на величие. Польша — это большая страна, которая на политической шахматной доске должна быть довольно сильным игроком», — сказал бывший министр иностранных дел Польши Бронислав Геремек в беседе с журналистами «Газеты польской» Эвой Зажыцкой и Петром Вежбицким.

— Вы сказали, что США относятся к Польше как к партнеру. Справедливо ли сказать то же самое про Россию?

— У меня часто возникало впечатление, будто России чрезвычайно трудно привыкнуть к тому, что Польша — это независимая страна, независимый партнер. Это касается Польши более, чем какой-либо другой страны бывшего «социалистического лагеря». Когда я беседовал с российскими политиками перед нашим вступлением в НАТО, то всегда слышал, что оно и составляет самую главную проблему.

Россия — это касается как верхов, так и всего российского общества — как бы не восприняла того факта, что Польша — независимая страна. Не думаю, что это создает угрозу самой Польше, зато формирует неблагоприятную картину польско-российских отношений. Картину напряженности.

Я считаю, что мы сумели сделать польско-российские отношения хорошими. Вопреки пессимистам скажу, что между Польшей и Россией сложились взаимовыгодные отношения. Польско-российские отношения обусловлены не только бизнесом, который иногда разделяет, иногда объединяет, но и историей. И у обеих сторон эта история вызывает напряженность. Это надо сознавать. Поэтому в наших взаимоотношениях я придавал бы особое внимание культуре и экономике. Политика пойдет только следом за ними.

— *В дискуссии Александра Смоляра с Ярославом Качинским, опубликованной в «Газете польской», Качинский сказал, что и польские верхи иногда ведут себя так, будто бы еще не привыкли, что Польша — это независимая страна. Он привел в пример визит Мильчановского (тогдашнего министра внутренних дел Польши. — Ред. «НП») и всех его заместителей в Москву после инцидента на Восточном вокзале в Варшаве. Как вы оцениваете поведение, стандарты польской верхушки, как в парламенте, так и в дипломатических службах, в этом чрезвычайно щепетильном вопросе?*

— Очень положительно. Я считаю, что мы сумели сформировать независимую внешнюю политику, сумели воспитать политическое поведение, корнями уходящее в независимость Польши.

Однако сложилось и нечто тревожащее: ослабление экономических связей с Россией становится исходной точкой для определенной ностальгии по эпохе привилегированных отношений между Польшей и Россией. Надо сразу ясно сказать: привилегированные отношения между Польшей и Россией были риторическим прикрытием зависимости Польши от России. Польша нуждается в нормальных экономических отношениях с Россией.

Но не следует питать иллюзии: Россия заинтересована в Польше главным образом как в транзитной территории. Польше может угрожать то, что она войдет в систему экономической зависимости — по крайней мере, такую надежду может питать другая сторона. Важнейший экономический, политический и культурный партнер Польши — это Запад.

В парламентских дебатах по польско-российским отношениям экономическая выгода иногда становится катализатором ностальгии по тем привилегированным отношениям. Даже странно, откуда берется такая ностальгия. Но ни разу после 1989 г. я не замечал проявлений зависимости либо угодливости. Полвека спустя Польша прочно вошла в роль независимого субъекта.

— *Вы говорили об отношениях с Украиной...*

— Я всегда думал, что нам будет очень трудно достичь примирения с немцами и украинцами. Принимая в 1989 г. делегацию украинского национального движения, тогда еще подпольного, я был удивлен яркими антипольскими настроениями представителей молодого поколения. И все это на моих глазах развеялось как дым! Польша была первой страной, которая признала независимость Украины. Мы высоко ценим Украину как нашего крупного партнера, несмотря на тучи, которые иногда появляются на горизонте.

Есть нечто великое в процессе европейской интеграции — не то, что западные европейцы уже умеют точно определить и установить размеры бананов, но то, что они сумели объединиться. Этому и мы учимся, и мне кажется, что на этом пути мы достигли больших успехов. Думаю, это наш входной билет в Европейский союз. Примирение с немцами и украинцами, примирение, которое, надеюсь, будет достигнуто с русскими, — это доказательства того, что Польша созрела для будущего мира.

GAZETA POLSKA